

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/87/9

**«Анатомический атлас» города:
мортальный код в романе А. Платонова
«Счастливая Москва»**

Борис Николаевич Борисов

Московский международный университет
Москва, Россия

borisovmiit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

Аннотация

Рассматривается роль мортального кода в создании образа Москвы. Репрезентируемые данным кодом значения опосредованы историческим контекстом 1930-х гг., в частности медицинскими изысканиями в области радикального продления человеческой жизни. Физиологический аспект темы «нового человека» проецируется на официально утвержденную концепцию «пролетарской» Москвы, образ которой в последних главах романа уподобляется телу анатомируемой девушки. Это определяет мортальную семантику городских локусов – ночного ресторана, шахты метрополитена, жакта, Доминиковского переулка и Крестовского рынка, изображение которых представляет собой развернутые «анатомические» метафоры, основанные на деталях описания человеческого тела, возникающих в сюжетной линии хирурга-прозектора.

Ключевые слова

Платонов, Москва, мортальный код, мортальные мотивы, мифологема «город-женщина», образ города, локус, провинциальный код, медицинская тема, хирург-прозектор

Для цитирования

Борисов Б. Н. «Анатомический атлас» города: мортальный код в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 99–111. DOI 10.17223/18137083/87/9

© Борисов Б. Н., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 99–111
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 99–111

**“Anatomical atlas” of the city:
the mortal code in the novel “Happy Moscow”
by Andrei Platonov**

Boris N. Borisov

Moscow International University
Moscow, Russian Federation

borisovmiit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

Abstract

The paper examines the significance of the moral code in shaping the urban image in the novel “Happy Moscow.” The research strategy integrates structural-semiotic analysis of mortal motifs with a historical-genetic approach. The theme of creating a “new human” and “new world” within the framework of Soviet healthcare in the 1930s acquires significance through its physiological aspect. It is projected onto the description of the city. The novel portrays the mythologem of a “city-woman” in two different ways, connected to the imagery of the main character and a girl undergoing anatomical examination. In the last chapters, the anthropomorphic image of a vivacious and balanced city transforms into its dissected corpse. The description of loci employs a set of recurrent motifs from two scenes of the novel. These are a post-mortem of a woman and a surgical operation for removing a ball-shaped blister full of purulence out of a boy’s head. The loci of the city are metaphorically connected to the various parts of the human body, forming an integral component of the expanded metaphor referred to as “a handbook of anatomical charts of the city.” The article’s rationale adheres to a step-by-step examination of several locations, such as a restaurant during the night, a metro system shaft, zhakt premises, Dominikovsky Lane, and the Krestovsky market. The visual representation of Moscow prioritizes mortal code over the physical, culinary, and provincial codes found in the text, resulting in the transformation of signs and their meanings.

Keywords

Platonov, Moscow, mortal cod, mortal motives, city-woman, image of the city, urban locus, provincial code, the medical theme, surgeon-prosector

For citation

Borisov B. N. “Anatomical atlas” of the city: the mortal code in the novel “Happy Moscow” by Andrei Platonov. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 99–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/9

Формирование смысла романа А. Платонова «Счастливая Москва» происходит под влиянием различных художественных кодов, в том числе мифологического [Костов, 2000; Дмитровская, 2003; Ярошенко, 2004; Солдаткина, 2008], телесного [Прокофьева, 2014], пищевого [Рудаковская-Борисова, 2005], провинциального. Не менее значимым является в романе и смертельный код. Его дистрибуция с другими кодами текста приводит к расширению круга смертельных мотивов и репрезентации новых смыслов в рамках танатологического сюжета.

Как показали исследования Е. Н. Проскуриной [2005; 2015], тезаурус смерти в зрелой прозе писателя представляет собой сложную систему знаков, призванных передать различные смыслы, отнюдь не ограничивающиеся областью денотата. Так, образ Крестовского рынка в романе «Счастливая Москва», включающий в себя комплекс смертельных мотивов, служит выражению ряда авторских интенций, связанных с трагическим осмыслением смерти, иронией и самоиронией по

поводу воскресительной концепции Н. Федорова, ностальгией по уходящему в прошлое русскому миру [Проскурина, 2015, с. 126–129].

Отмеченная полисемия знаков смертного кода обнаруживает себя и в других составляющих образ московского пространства локусах, репрезентирующих в романе культурные и мировоззренческие метаморфозы эпохи.

Подход к роману «Счастливая Москва» как «уникальному путеводителю по советской культуре» [Корниенко, 2011, с. 590] определил методологию данного исследования, построенную на сочетании семиотического анализа смертных мотивов с включением произведения в контекст истории Москвы 1930-х гг.

Изучение художественных локусов романа, в качестве которых выступают объекты городского пространства, позволило установить наличие общего для них комплекса смертных мотивов. Медицинский экспериментальный институт, здание жакта в Бауманском районе, ночной ресторан, шахта метрополитена на Каланчевской площади, Доминиковский переулок, Крестовский рынок маркируют этапы жизненного пути героев, который предстает как движение к метафорической смерти – решающему испытанию персонажа, а через нее – либо к воскресению, либо к состоянию энтропии.

Центром художественного пространства романа является медицинский экспериментальный институт специального назначения¹. Его прообразом, очевидно, стал Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). В 1933–1936 гг., когда Платонов работал над романом, начинается новый период в истории старейшего исследовательского института: он получает статус всесоюзного, дирекция переводится из Ленинграда в Москву, идет подготовка к строительству грандиозного медицинского комплекса², с привлечением широкой общественности обсуждаются архитектурные проекты корпусов.

Перед обновленным учреждением ставятся более грандиозные, соответствующие духу времени задачи, которые подогревают к нему обывательский и литературный³ интерес. По воспоминаниям современников, создатели института рассчитывали, «что им очень скоро удастся найти в человеческом организме “что-то такое”, на что можно воздействовать и таким образом быстро побороть болезни, и среди них самую вредную – старость» [Разгон, 1994, с. 57–58].

Под строительство ВИЭМ, прозванного институтом бессмертия имени Горького⁴, отводился участок площадью 65 га вблизи дачного поселка Серебряный бор [Рогачев, 2014, с. 411]. Интересно, что данный топоним связан не только с биографией⁵, но и с творчеством Платонова. В написанной за десять лет до того повести «Эфирный тракт» (1926–1927 гг.) в этом поселке находится Дом воспоминаний – репрезентант темы научной победы над смертью. Но триумфальный

¹ В тексте романа также используются другие варианты именования данного локуса: Институт Экспериментальной Медицины, экспериментальная клиника.

² Подробнее об этом см.: «Москва. Великие стройки социализма» [Рогачев, 2014, с. 397–417].

³ См., к примеру, статью о ВИЭМ как прототипе клиники Стравинского в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Чевычелов, 2015].

⁴ В 1936 г. постановлением ЦИК СССР институту было присвоено имя А. М. Горького, который, как известно, имел непосредственное отношение к идее создания ВИЭМ и упоминал о нем в своих выступлениях на I Всесоюзном съезде советских писателей.

⁵ Некоторое время между 1927 и 1932 гг. Платонов с семьей жил в Серебряном бору по адресам: Щукинская, 13 и Центральная, 40 [Антонова, 1999, с. 16].

ореол топонима, создаваемый стилистикой изображения Дома воспоминаний⁶, вероятно, не вполне отвечал мортальным коннотациям образа медицинского института в романе «Счастливая Москва». Поэтому здание института Платонов помещает не в Серебряном бору, а в Бауманском районе. Авторское решение можно объяснить своеобразным «медицинским профилем» местности, где располагался не только старейший в Москве госпиталь (в 1930-е гг. – Первый Московский Коммунистический военный госпиталь⁷), но и известный на всю округу Лефортовский морг, куда еще с середины XIX в. свозили тела бездомных или убитых людей.

В романе научные поиски лекарства от смерти сопрягаются с анатомированием, а идеи визионеров облачаются в поистине гротескную форму. Так, работающий в еще не достроенном медицинском институте⁸ хирург-прозектор Самбикин пытается извлечь из трупов обнаруженное им «таинственное вещество» (Платонов, 2011, с. 60)⁹, которое обладает необыкновенной силой, способной питать долголетие и здоровье живых, воскрешать мертвых. Думается, сюжет поиска лекарства от смерти в мертвых телах был подсказан Платонову развернувшейся в центральной прессе («Известия», 1932 г.; «Правда», 1935–1936 гг.) дискуссией вокруг лизатотерапии – лечения препаратами, полученными из продуктов тканевого распада органов животных.

Апологет этого терапевтического метода врач-эндокринолог И. Н. Казаков приписывал лизатам из эндокринных желез поистине чудодейственные свойства, позволяющие излечивать не только все болезни, но и старость¹⁰. Вероятно, влиянием этого исторического контекста обусловлено то, что в своих поисках лекарства от смерти Самбикин исследует железы умерших людей – половой секреции и «шейную». Так, из сердца и шейной железы умершего мальчика он приготовил «таинственную суспензию и впрыснул ее в тело Честновой» (с. 80), рассчитывая тем самым ускорить выздоровление девушки после ампутации ноги – способ применения суспензии героем романа полностью соответствует практике лизатотерапии.

Историко-медицинский контекст, к которому апеллирует содержание романа через сюжет о хирурге-прозекторе, создает интересный ракурс темы «нового человека» и «нового мира», на которую указывает Н. В. Корниенко в комментариях к тексту «Счастливой Москвы» [Корниенко, 2011, с. 590]. В свете медицинских

⁶ «В Серебряном бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было как сфероид – образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна – в знак и угрозу мрачному стихийному миру... в надежду, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым» (Платонов, 2016, с. 67).

⁷ К этому источнику отсылает описание соседствующего с медицинским институтом дома: «...здесь, вероятно, когда-то в гражданскую войну был госпиталь и лежали красноармейцы...» (Платонов, 2011, с. 87).

⁸ Описание внутреннего оснащения института (цветовая сигнализация, полная звукоизоляция, стеклянные боксы, автоматически открывающиеся двери, устройства озонирования воздуха, автономное электропитание, пробковые ковры коридоров) буквально воспроизводит детали технического проекта ВИЭМ, о которых упоминалось в печати (подробнее об этом см.: [Рогачев, 2014, с. 416–417]).

⁹ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

¹⁰ Подробнее об этом см.: «“Чудеса” доктора И. Н. Казакова: научные и политические споры вокруг лизатотерапии» [Фандо, 2021].

новаций 1930-х гг. эта тема касается создания человека не столько нового сознания, сколько новой физиологии – своего рода советского гомункула. Но, что еще более важно, раскрывается данная тема в антропоморфном образе города, выступающего в качестве объекта грандиозного исторического эксперимента. В платоновском романе этот эксперимент следует своей логике, и итог его не был очевиден для писателя, включившегося в литературную акцию «Пролетарская Москва ждет своего художника» [Корниенко, 1999]. Однако придерживаться границ официальной концепции изображения Москвы Платонову оказалось не по силам, что обусловило семантическую градацию образа города, вначале напоминающего живую, непостоянную Москву Честнову, а к финалу романа уподобляемого мертвой, анатомируемой девушке.

Описанию вскрытия ее тела посвящен большой фрагмент 8-й главы. Гротескный и одновременно натуралистический характер изображения этой процедуры, производимой в присутствии приглашенного «зрителя» – Сарториуса, сообщает ей сходство с «анатомическим театром» XVII в.: «Самбикин отрезал женщине левую грудь, затем снял всю решетку грудной клетки и с крайней осторожностью достиг сердца. <...> Далее Самбикин начал поворачивать мертвую девушку, точно предьявляя Сарториусу ее упитанность и целомудрие. <...> Самбикин вскрыл сальную оболочку живота и затем провел ножом по ходу кишок, показывая, что в них есть: в них лежала сплошная колонка еще не обработанной пищи...» (с. 60–61).

Присутствующая в данном эпизоде сюжетная схема – обнаженная девушка лежит на столе перед хирургом, который, работая с ее телом, мечтает жениться на несчастной – повторяется в 11-й главе романа при описании ампутации ноги Москвы Честновой и указывает на соотнесение этих женских образов в структуре текста. Художественное значение указанного сюжетного тождества раскрывается в контексте мифологемы «город-женщина», воплощенной не только в фигуре главной героини, но и в символическом образе анатомируемой девушки.

В разных вариантах мифологического сюжета о городе-женщине ее телом овладевает или истинный жених-спаситель, или захватчик, часто принимаемый за покровителя [Топоров, 1987, с. 128]. В этой связи сюжетная функция хирурга-прозектора приобретает метафорический смысл, поскольку он выступает в качестве потенциального жениха женщины-города. Причем, сравнивая мертвую девушку с живой, но не способной хранить верность Москвой Честновой, герой предпочел бы «жениться на этой мертвой – более красивой, верной и одинокой, чем многие живые» (с. 61). В соответствии с логикой мифологического сюжета данная деталь должна содержать намек на правителя или захватчика города¹¹ и его притязания на тело Москвы, пусть и безжизненной, но верной.

Создание антропоморфного образа города-женщины, как правило, основывается на знаках телесного кода, репрезентирующих внешний облик женского тела (лицо, грудь, волосы и проч.), его физиологию (дыхание, биение сердца, питание

¹¹ Перспективным видится нам также рассмотрение в контексте истории Москвы 1930-х гг. воплощенной в сюжете романа мифологемы «город-блудница». Стилистические коннотации образа Сталина в романе (ср.: «...сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира...» (с. 99)) выражают идею захвата города. Как писал В. Н. Топоров, «целомудрие девы и крепость города в этом случае не более чем два варианта общей идеи прочности, нетронутости, нерасколотости, гарантии от той нечистоты, которая исходит от захватчика, всегда – насильника» [1987, с. 126–127].

и т. п.) [Неклюдов, 2005]. Детали такого рода действительно присутствуют в описании города в первых главах романа «Счастливая Москва»¹². С 9-й главы моральный код начинает доминировать над телесным, и, как следствие, в качестве основы антропоморфных метафор выступает анатомический вид внутренних органов вскрытого человеческого тела. В этом случае мифологема реализуется своей семантической инверсией, так как создается образ не живого и цельного, а разъятого на части города¹³. Мотивная организация городских локусов, уподобляемых отдельным органам человеческого тела (внутреннему своду черепа, полости сердца, кишечнику, ампутированной ноге), встраивается в развернутую метафору – «анатомический атлас» города.

Описание локусов основано на использовании комплекса сквозных мотивов, источником которых являются две сцены романа: анатомирование женщины (гл. 8) и хирургическая операция по удалению гнойного шара на голове мальчика (гл. 5). В соответствии с этим образуются два пересекающихся семиотических поля. Первое составляют мотивы и образы, символизирующие телесный низ: кишечник, пищеварение, нечистоты, испражнения, канализация, зловоние, газы. Описание кишечника анатомируемой девушки проецируется на изображение локусов, имеющих вытянутую форму (коридор жакта, шахта метрополитена) или включенных в пищевую код (ресторан, Крестовский рынок). Второе семиотическое поле формируется «анатомическими» образами свода черепа, костяной головы, гнойного шара, напоминающего «вторую дикую», «безумную» голову (с. 31), и ассоциативно связанными с данными образами мотивами вращения, безысходности, повторяемости, неизбежности.

Идейно-художественную многогранность образам кишечника и «второй головы» придает то, что по ходу повествования они включаются в рассуждения героев романа о цели и движущих силах истории, о месте отдельного человека во всемирном историческом процессе. При этом возникают историософские метафоры, построенные на уподоблении исторического процесса физиологическому: «Ведь и вправду: пусть весь свет мы переделаем, и станет хорошо. А сколько нечистот натекло в человечество за тысячи лет зверства, куда-нибудь их надо девать!.. Даже тело наше не такое, как нужно, в нем скверное лежит» (с. 73). В художественном синкретизме частного и общего, судьбы человека и истории города имплицитно присутствует идея сотворения «нового мира» как нового, усовершенствованного тела, в котором уже нет места старой мировой душе. В соответствии с этим анатомические мотивы в образе города создают проекцию в плоскость не только национально-исторической, как было отмечено выше, но и онтологической проблематики романа.

Так, к сущностным вопросам человеческого бытия апеллирует эпизод знакомства Москвы Честновой с кавалером в ночном ресторане. Изображение места действия построено на использовании метафорических образов «костяной головы», свода черепа. Именно такие образные ассоциации вызывает в сознании героини ресторанный музыка, имеющая ключевое значение в характеристике данного локуса: «...один и тот же такт играл и варьировал оркестр, как будто катая его по внутренней поверхности полого безвыходного шара...»; «Музыка вращалась

¹² Данный аспект образа города подробно описан в работах О. С. Капельницкой [2000], С. Ю. Неклюдова [2005].

¹³ К похожим выводам приходит Е. Г. Белоусова, указавшая на наличие образа «утопически-монолитного и в то же время распадающегося на отдельные куски всеобщего дома» [2015, с. 27].

быстро, как тоска в костяной и круглой голове, откуда выйти нельзя» (с. 68–69). Семантическая градация образных ассоциаций создает синонимический ряд: внутренняя поверхность шара – голова – свод черепа. Основу возникающей при этом метафоры составляют детали описания операции на голове мальчика, а музыка уподобляется гною, разрушающему костные пластины черепа: «...скрытая энергия мелодии... обещала когда-нибудь протереть косные кости одиночества или выйти сквозь глаза, хотя бы слезами» (с. 69). Анатомические метафоры в комплексе с мотивом вращения присутствуют не только в мелодии музыки, но и в описании сферического зала ресторана: «...здесь человек никак не мог вырваться из обычного – из круглого шара своей головы... из сумки сердца...» (с. 67–68).

Ресторан как место действия продуцирует сюжет, включенный в пищевой код, который в романе «Счастливая Москва» подчинен мортальному коду¹⁴, что выражается в семиотической функции мотивов еды и пищеварения. Их связь с темой смерти репрезентируется на дискурсивном уровне текста: «Многие посетители уже дремали, некоторые глядели как мертвые, объевшись пищей и мнимыми страстями» (с. 69).

Фабульно и символически ресторан связан с другим объектом городского пространства – шахтой метрополитена, куда вслед за тем попадает Москва Честнова. Душная атмосфера ресторанный зала, наполненного «мучительным дымом курения и газом сдавленных страстей» (с. 67), вращающаяся мелодия музыки, потерявшие дверь и испуганно кружащиеся на месте гости – всё это подталкивает героиню к поиску выхода из круга бессмысленной жизни. Перечисленные детали создают смысловое поле, в которое попадает агитационный плакат на Каланчевской площади: «Комсомолец, комсомолка! Иди в шахту метро!..» – как кажется, предлагающий тот самый выход. Однако работа на строительстве метрополитена приводит Честнову в другой тупик: в «слепом проходе» (с. 77) шахты девушка будет зажата и покалечена наскочившими на нее вагонетками.

С помощью метафоры «слепой проход» (выражение, вероятно, образовано контаминацией двух словосочетаний: «слепая кишка» и «задний проход») шахта метрополитена уподобляется кишечнику. А вагонетки в тоннеле шахты напоминают «колонки еще не обработанной пищи» (с. 61) в теле анатомируемой девушки.

Пройдя через метафорический «кишечник города», Честнова, прежде являвшаяся частью золотой советской молодежи, оказывается в низовом пространстве Москвы – в полуразрушенном жакте, среди «отбросов» социалистического производства. Всё бытийственное пространство жителей жакта ограничено темными длинными коридорами здания, напоминающими кишечник. В образной структуре данного локуса присутствует характерный акцент на уборных и канализационных трубах, по которым стекают потоки нечистот с верхних этажей здания. Коррелирует с данными деталями и анатомический образ, возникший в сознании Честновой при очередном посещении жакта: «Нет, не здесь проходит вдаль большая дорога жизни – не в бедной любви, не в кишках...» (с. 66).

Мотивная структура другого локуса низовой Москвы – Крестовского рынка также строится на использовании знаков телесного низа («нечистый воздух»,

¹⁴ В этом случае утверждение о том, что изображение пищевой сытости выступает у Платонова знаком несчастья, несвободы и смерти [Румянцева, 2012, с. 113], будет справедливым.

«мочевая лужа», «отхожее место», пирожки, «начиненные мясными отходами»), которые в сочетании с витальными мотивами создают образ функционирующего рынка-кишечника: «Дешевая пища с заметным шумом переваривалась в людях, поэтому каждый себя чувствовал с тягостью, точно был сложным предприятием, и нечистый воздух восходил отсюда вверх, как дым над Донбассом» (с. 101).

Семантическая многогранность, присущая локусам низовой Москвы, обусловливается дистрибуцией мортального и провинциального кодов. Провинциальный мир не имеет у Платонова отрицательной коннотации. Как указывает Н. В. Корниенко, ключевым для творчества писателя является противопоставление «блестящей, но поверхностной» Москвы и грустной, тяжелой, но открывающей возможности подлинного литературного творчества провинции [2015, с. 42]. Это объясняет, почему образ низовой Москвы Платонов создает с привлечением литературных аллюзий, источником которых выступает провинциальный текст русской литературы XIX в.

Актуализация этого литературного контекста обусловлена введением в роман мотива «жизнь как подобие смерти», который порождается характерным для XIX столетия восприятием феномена русской провинции как царства мертвых [Козлов, 2012, с. 121]. Главным репрезентантом данного мотива выступает в романе человек старого типа – Комягин. Провинциальные мотивы входят в описание персонажа через сюжеты двух его произведений – стихотворения и, главным образом, незавершенной картины, выступающей живописной квинтэссенцией провинциального царства мертвых. Интересно, что мотив «жизнь как подобие смерти» обнаруживает себя в тексте романа не только в виде метафоры, но и в буквальном фабульном воплощении (в 12-й главе Комягин предпринимает попытку «погибнуть», а в 13-й отправляется узнавать «весь маршрут покойника»).

Опираясь на литературную традицию изображения темы смерти в границах провинциального кода, Платонов не следует ей до конца: смерть в пространстве низовой Москвы не теряет своего глубинного, онтологического смысла даже в комическом сюжете «гибели» Комягина. Вероятно, это связано с изменением стилистической коннотации провинциального мира: традиционно неизменный, статичный, он изображается в романе исчезающим, уходящим в небытие. Низовая, провинциальная Москва вытесняется, как и всё историческое прошлое, «за пределы новой Москвы и новой жизни» [Проскурина, 2015, с. 126–127]. Эта мысль эксплицирована в образе обветшавшего жакета с дефицитным бюджетом¹⁵ и в не меньшей степени Доминиковского переулка, с которого начинается свой «маршрут покойника» Комягин.

Прообразом этого номинального локуса является Домниковская улица, Домниковка – колоритное место старой Москвы, состоявшее в основном из доходных домов, известное своими банями, куда съезжались горожане со всей округи, но и пользовавшееся дурной репутацией: еще с конца XIX в. здесь немало было домов терпимости и притонов.

Тот факт, что Комягин не может отыскать знакомый ему Доминиковский переулок, где прежде помещалось производство гробов, вовсе не случаен. В соответствии с генпланом реконструкции Москвы Домниковская улица должна была исчезнуть с карты города, став частью Новокировского проспекта, соединяющего Лубянку с главным транспортным узлом столицы – Каланчевской площадью.

¹⁵ Возникшие в период НЭПа жилищно-арендные кооперативные товарищества окончательно были упразднены в октябре 1937 г. постановлением ЦИК и СНК СССР.

В контексте антропоморфной природы образа города возникает аналогия между улицей, по которой пройдет скоростная магистраль, и ногой Москвы Честновой, раздавленной несущимися вагонетками. Хотя в 1930-е гг. улица-прототип еще существовала, ее художественный образ отмечен мотивом обреченности, на что указывают упоминаемые вскользь «строительство и реорганизация», а также дискурсивное включение локуса в танатологическую ситуацию (гробы, венки, автомобили с тихим ходом для перевозки покойника).

В описании Крестовского рынка также звучит тема исторической обреченности низовой Москвы, усиленная к тому же кладбищенскими мотивами. Данный локус составляет топологическое единство с соседствующим с ним Пятницким кладбищем [Антонова, 1999, с. 17], которое с момента основания в 1771 г. также именовалось Крестовским. Для пришедшего на рынок Сарториуса этот локус является в прямом смысле погостом, временным пристанищем перед воскресением, рождением в новую жизнь¹⁶.

Помимо деталей, отсылающих к печальной странице истории московских кладбищ, связанной с их ликвидацией в 1930-е гг., смертельную окраску образу рынка сообщает его включенность в танатологическую ситуацию: предметом купли-продажи здесь выступают носильные вещи умерших людей.

Свое последнее пристанище на рынке-кладбище находят те, кто по разным причинам не отвечает плакатному образу советского человека – «последние частные москательщики», «уволенные разложившиеся слесаря», «пищевые старухи», «незначительные воры», «кочующие хулиганы», «нуждающиеся и продающие» (с. 101). Находясь в топографических пределах столицы, они принадлежат иному топосу – старой, провинциальной Москве. Верность культурным парадигмам прошлого, утратившим свое значение для «нового мира», сообщает старой Москве маргинальные черты. Маргинальность становится в целом свойством провинциального мира, к которому апеллируют сюжеты продаваемых на рынке картин прошлого века, упоминание о старинных русских городах, в том числе Зарайске, Новом Осколе.

Дистрибуция провинциального и смертельного кодов романа определяет изображение локусов низовой Москвы как находящихся на границе бытия. С одной стороны, это обуславливает сочетание в их образной структуре анатомических и витальных мотивов, с другой – способствует продуцированию данными локусами мистериального сюжета «смерть-воскресение», который просматривается в повествовании о Честновой и Сарториусе. В соответствии с пространственной моделью платоновского мира, построенной на инверсии верха и низа¹⁷, схождение этих героев в низовое пространство города маркирует начало их преображения.

Итак, своеобразие трактовки темы города в романе «Счастливая Москва» складывается из взаимодействия художественных кодов текста – мифологического, смертельного, пищевого и провинциального. Влиянием смертельного кода на мифологический и телесный коды объясняется возникновение семантической

¹⁶ Локусы, определяющие развитие сюжетной линии Сарториуса, выступают в качестве знаков аграрного мифологического кода, реализованного в мифологеме зерна. Подробнее об этом см.: «Евхаристический тезаурус в творчестве Андрея Платонова» [Борисов, 2018, с. 563].

¹⁷ По выражению К. А. Баршта, «направление “вверх” у Платонова носит отрицательный характер, направление “вниз” обладает несомненной положительной ценностью» [2005, с. 54].

инверсии мифологемы «город-женщина», представленной мотивом разъятого тела и анатомическими метафорами в образной структуре московских локусов. Доминирует мортальный код и над пищевым кодом, присутствие которого в составе мифологемы «город-женщина» соответствует традиции изображения столицы как хлебосольной, щедрой хозяйки. Но в результате трансформации образной концепции Москвы в платоновском романе пищевой код реализуется комплексом иных знаков. В описании локусов (особенно низовой Москвы) мотив еды сочетается с мотивом нечистот, телесного низа, образуя при этом метафору пищеварительной системы города.

Более светлые, лирические и элегические тона сообщает локусам низового пространства присутствие провинциального кода, но и он оказывается менее значимым, чем мортальный. Провинциальный мир изображается уходящим в небытие, вытесняемым из актуального культурного пространства и, как следствие, приобретает маргинальные черты.

Реально-исторической основой изображения города в знаках мортального кода стала действительность первой половины 1930-х гг. В парадигме значимой для романа медицинской темы, репрезентируемой в образе экспериментального института, идея создания «нового человека» получает узко физиологический смысл. Ее проекция на изображение города создает основу имплицитно присутствующего в романе метафорического сюжета: Москва предстает беспомощно лежащей перед «улыбающимся, скромным Сталиным» (с. 99), который создает из тела города образцовую пролетарскую столицу, отсекая при этом «отжившее» историческое прошлое.

Список литературы

Антонова Е. В. Москва Андрея Платонова // Московский журнал. 1999. № 8. С. 10–17.

Барит К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 480 с.

Белоусова Е. Г. «Счастливая Москва» А. Платонова: опыт стиливого прочтения // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 20. С. 23–28.

Борисов Б. Н. Евхаристический тезаурус в творчестве Андрея Платонова // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 552–567.

Дмитровская М. А. «Огненная Мария» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 108–141.

Капельницкая О. С. Мифологема «женщина-город»: культурная традиция и «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 666–676.

Козлов А. Е. Соотношение мортального и провинциального кодов в русской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 121–125.

Корниенко Н. В. «Пролетарская Москва ждет своего художника» (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 357–371.

Корниенко Н. В. Комментарии // Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2011. С. 575–622.

Корниенко Н. В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Гуманитарные науки. Литературная карта мира: год литературы. 2015. № 5. С. 35–44.

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки, 2000. 325 с.

Неклюдов С. Ю. Тело Москвы: к вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре / Сост. Г. Ф. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛО, 2005. С. 361–385.

Прокофьева В. Ю. Семантическое поле «телесность»: роман А. Платонова «Счастливая Москва» // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 388. С. 24–29.

Проскурина Е. Н. Гримасы смерти у Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 137–142.

Проскурина Е. Н. Тезаурус смерти в прозе А. Платонова второй половины 1920-х – конца 1930-х годов // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 2. С. 118–137.

Разгон Л. Э. Плен в своем отечестве. М.: Книжный сад, 1994. 432 с.

Розачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. М.: Центрполиграф, 2014. 480 с.

Рудаковская-Борисова Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту: Тартуский ун-т, 2005. 178 с.

Румянцева Л. И. Функционирование кулинарно-пищевого мифологического кода в прозе 1920-х гг. // Вестник ЧитГУ. 2012. № 1. С. 111–115.

Солдаткина Я. В. Особенности мифопоэтики романной прозы А. П. Платонова: диалог с мифологемами эпохи // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 24–30.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Фандо Р. А. «Чудеса» доктора И. Н. Казакова: научные и политические споры вокруг лизотерапии // Вопросы истории естествознания и техники. 2021. № 2. С. 258–295.

Чевычелов С. С. Перед покоем. В поисках клиники Стравинского // Семь искусств. 2015. № 9. URL: <http://7iskusstv.com> (дата обращения 12.04.2022).

Ярошенко Л. В. Жанр романа-мифа в творчестве А. Платонова. Гродно: ГрГУ, 2004. 137 с.

Список источников

Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2011. 624 с.

Платонов А. П. Сочинения / Гл. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. 869 с.

References

Antonova E. V. Moskva Andrey Platonov [Andrey Platonov's Moscow]. *Moskovskiy zhurnal*. 1999, no. 8, pp. 10–17.

Barsht K. A. *Poetika prozy Andrey Platonova* [The poetics of Andrey Platonov's prose]. 2nd enh. ed. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2005, 480 p.

Belousova E. G. "Schastlivaya Moskva" A. Platonova: opyt stilevogo prochteniya ["Happy Moscow" by Andrey Platonov: the experience of stylistic reading]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015, no. 20, pp. 23–28.

Borisov B. N. Evkharisticheskiy tezaurus v tvorchestve Andrey Platonova [The Eucharistic Thesaurus in Andrey Platonov's works]. In: *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kul'ture russkogo modernizma* [New Testament images and plots in the culture of Russian modernism]. O. A. Bogdanova, A. G. Gacheva (Comp., Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 2018, pp. 552–567.

Chevychelov S. S. Pered pokoem. V poiskakh kliniki Stravinskogo [Before Rest: in search of the Stravinsky Clinic]. *Seven Arts*. 2015, no. 9. URL: <http://7iskusstv.com> (accessed 12.04.2022).

Dmitrovskaya M. A. "Ognennaya Mariya" ["Flaming Mary"]. In: "*Strana filosofov*" *Andrey Platonova: problemy tvorchestva* ["The Country of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2003, iss. 5, pp. 108–141.

Fando R. A. "Chudesa" doktora I. N. Kazakova: nauchnye i politicheskie spory vokrug lizatoterapii ["Miracles" of Dr. Kazakov: scientific and political controversies around lysatotherapy]. *Studies in the History of Science and Technology*. 2021, no. 2, pp. 258–295.

Kapel'nitskaya O. S. Mifologema "zhenshchina-gorod": kul'turnaya traditsiya i "Schastlivaya Moskva" [Mythologeme "woman-city": cultural tradition and "Happy Moscow"]. In: "*Strana filosofov*" *Andrey Platonova: problemy tvorchestva* [Andrei Platonov's "Country of Philosophers": problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2000, iss. 4, pp. 666–676.

Kornienko N. V. "Boldinskaya osen" A. Platonova: Tambov v zhizni i tvorchestve pisatelya [Andrey Platonov's "Boldinskaya autumn": Tambov in the life and work of the writer]. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015, no. 5 (145), pp. 35–44.

Kornienko N. V. Kommentarii [Comments]. In: *Platonov A. P. Schastlivaya Moskva: Roman, povest', rasskazy* [Platonov A. P. *Happy Moscow: Novel, novella, stories*]. N. V. Kornienko (Comp., preparation of the text, comments). Moscow, Vremya, 2011, pp. 575–622.

Kornienko N. V. "Proletarskaya Moskva zhdet svoego khudozhnika" (K tvorcheskoy istorii romana) ["Proletarian Moscow is waiting for its Artist": towards the creative history of the novel]. In: "*Strana filosofov*" *Andrey Platonova: problemy tvorchestva* ["The Country of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, Nasledie, 1999, iss. 3, pp. 357–371.

Kostov H. *Mifopoetika Andrey Platonova v romane "Schastlivaya Moskva"* [Andrey Platonov's mythopoetics in the novel "Happy Moscow"]. Helsinki, 2000, 325 p.

Kozlov A. E. Sootnoshenie mortal'nogo i provintsial'nogo kodov v russkoy literature 19 veka [The ratio of provincial and mortal codes in the Russian literature of the 19th century]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, iss. 2, pp. 121–125.

Neklyudov S. Yu. Telo Moskvyy: k voprosu ob obraze "zhenshchiny-goroda" v russkoy literature [The Body of Moscow: on the question of the Image of a woman-city in Russian Literature]. In: *Telo v russkoy kul'ture* [Body in Russian culture]. G. F. Kabakova, F. Kont (Comps.). Moscow, NLO, 2005, pp. 361–385.

Prokof'eva V. Yu. Semanticheskoe pole "telesnost": roman A. Platonova "Schastlivaya Moskva" [Semantic field "physicality": novel by A. Platonov "Happy Moscow"]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014, no. 388, pp. 24–29.

Proskurina E. N. Grimasy smerti u Platonova ("Chevengur", "Kotlovan", "Yuvenil'noe more") [Grimaces of death at Andrey Platonov's "Chevengur", "Pit", "Juvenile Sea"]. In: "*Strana filosofov*" *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["The Land of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2005, iss. 6, pp. 137–142.

Proskurina E. N. Tezaurus smerti v proze A. Platonova vtoroy poloviny 1920-kh – kontsa 1930-kh godov [Thesaurus of death in Andrey Platonov's prose of the second half of the 1920s – late 1930s]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. Novosibirsk, 2015, no. 2, pp. 118–137.

Razgon L. E. *Plen v svoem otechestve* [Captivity in the fatherland]. Moscow, Knizhnyy sad, 1994, 432 p.

Rogachev A. V. *Moskva. Velikie stroyki sotsializma* [Moscow. The Great Buildings of Socialism]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014, 480 p.

Rudakovskaya-Borisova E. *Semiotika pishchi v proizvedeniyakh Andreya Platonova* [Semiotics of food in the works of Andrey Platonov]. Tartu, University of Tartu Publ., 2005, 178 p.

Rumyantseva L. I. Funktsionirovanie kulinarно-pishchevogo mifologicheskogo koda v proze 1920-kh gg. [Functioning of the culinary and food mythological code in the 1920s]. *Bulletin of Chita State University*. 2012, no. 1, pp. 111–115.

Soldatkina Ya. V. Osobennosti mifopoetiki romannoy prozy A. P. Platonova: dialog s mifologemami epokhi [Features of the mythopoetics of A. P. Platonov's novel prose: a dialogue with the mythologems of the epoch]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2008, no. 3, pp. 24–30.

Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The text of the city-virgin and the city-harlot in the mythological aspect]. In: *Issledovaniya po strukture teksta: articles* [Studies on text structure: Collected articles]. T. V. Tsiv'yan (Ed.). Moscow, Nauka, 1978, pp. 121–132.

Yaroshenko L. V. *Zhanr romana-mifa v tvorchestve A. Platonova* [The genre of the novel-myth in the works of A. Platonov]. Grodno, State University of Grodno Publ., 2004, 137 p.

Информация об авторе

Борис Николаевич Борисов, кандидат филологических наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций Московского международного университета (Москва, Россия)

Information about the author

Boris N. Borisov, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of General Humanitarian Sciences and Mass Communications of Moscow International University (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 28.06.2022
The article was submitted on 05.05.2022;
approved after reviewing on 28.06.2022; accepted for publication on 28.06.2022*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2